

Евгений НИКОЛАЕНКО

ИВАНОВЫ ГОЛУБИ

Сад укрыл себя разноцветным нарядом, подготовив к зимнему противостоянию. Подул первый натужный "молдаван", лихо сбросив с деревьев часть багряной листвы, которая, как бы убегая, пряталась в тихих углах, закрытых строениями. Стая голубей в обновленном наряде, как манекенщицы на подиуме, выстроилась на коньке крыши, спрашивая хозяина: "Ну, как мы?". Они уже поменяли свое последнее, десятое боевое перо, и теперь время от времени взмахивали крыльями, чтобы проверить, выдержит ли оно штормовой натиск норд-оста. Оно венчает крыло элитного голубя, как корона монарха. Десятое, боевое перо, должно созреть к ноябрю, подсохнуть, как дамасский клинок; одно неловкое, резкое движение — и оно ломается у самого основания. Голубятник во время созревания этого пера ограждает птицу от лишних движений, потому что без него очарование полета исчезает.

При этом боевое перо выгибалось, звенело, как натянутая тетива лука, пропуская через себя сильные потоки воздуха, оно пело удивительную песню голубиного полета. Вот она, долгожданная пора гона серпасть. Подрос молодой, птицы освободились от утомительного ухода за птенцами. И первую настоящую проверку боем выдержат самые сильные особи. Слабые, не набравшие достаточно сил, чтобы сопротивляться стихии, плохо перелинявшие, не смогут справиться с натужным ветром, их заберет море или, сбившись с курса, потеряются и пополнят стаи беспризорных городских дикарей, роющихся вместе с бомжами на свалках, в мусорных баках...

— Ну что же, мои дорогие, пора показать, на что вы способны, — сказал я. Длинный бамбуковый шест с привязанным пучком ленточек, напоминающим стрельбу, коснулся крыши, и испуганные птицы, подхваченные ветром, устремились вверх. Любый голубятник желает показать коллегам своих питомцев и посмотреть чужих. Это не всегда удается, необходимо выдержать условия для полета, когда сама природа располагает к этому.

Воскресный солнечный день, ветер, причудливые белые, как ватные бараны, облака, на фоне которых можно реально определить качество полета птицы. Первый осенний гон — это не только удовольствие, но и огорчения. Потеряв нескольких молодых, которых ветер отнес на значительное расстояние, хотя не уверен, что навсегда, голубятник остается с надеждой, что со временем они вернутся, — так и случается в первые несколько дней. Память у некоторых пород голубей короткая, и через неделю они навсегда забывают дорогу к родному дому, где их выкормили птичьим молоком родители. Надо ждать их возвращения еще несколько дней.

Каждый прилет сопровождается бурей эмоций, ведь это возвращается часть тебя. После первых летних дней собираюсь посмотреть голубей своих коллег с тайной надеждой, что какой-нибудь из твоих питомцев случайно приземлился на чужой голубятне. Надо же дать еще один шанс молодым птицам. Позвонил "Водолазу":

— Володя, ты обещал показать мне хозяйство Ивана.

— Сейчас свяжусь с ним, и можем ехать в Татарку.

Обычно голубей содержат в голубятнях, но ничего подобного я не увидел. Это был двухэтажный коттедж, отделанный современными материалами, который населяло около тысячи породистых птиц. "Красиво жить не запретишь", — подумал я. Но для этого необходимо быть страстным, одержимым охотником, и конечно же, состоятельным. Есть много дворцов: народного творчества, бракосочетания или спорта, но это, пожалуй, единственный на Юге Украины "Дворец голубей".

Мы поднялись на второй этаж, мಿನовали несколько голубиных комнат, стены которых были грамотно оборудованы клетками с гнездами, и оказались перед дверью, которая вела на большую террасу. Хозяин открыл ее, и около сотни птиц, обдавая нас ветром крыльев, вылетели на площадку, устремившись за кормом. Шестидесят лет я держу эту птицу, но ничего подобного не видел. Сотня голубей: белые, черные, сизые, красные, чубатые, лохматые, в чучелках и без них, усеяли площадку около ста квадратных метров. Глаза разбегались во все стороны: чистопородные, привезенные со всех концов, могли соперничать разве что с голубями Виктора Януковича.

Хозяин, Иван Григорьевич Детушев, немногословный мужчина среднего возраста, предложил нам чаю. Мы охотно согласились. Хотелось адаптироваться к голубиной обстановке и сделать для себя какие-то выводы.

С тех пор прошло около десяти лет. Я один раз привез посмотреть на эту красоту телевизионщиков. Но, по всей вероятности, время показа еще не наступило, идея должна созреть. Собираясь написать этот рассказ, я впервые попросил Детушева рассказать о себе подробнее.

— Давно держишь голубей? От кого передалась эта страсть?

— С тех пор как открыл глаза. Дед, Михаил Феоктистович Детушев, у меня был страстный любитель. Он был один из первых, кто создавал курских белоголовых, а появились они в конце XIX столетия. Недалеко от моего села, пригородной казачьей слободы. Этих голубей еще называют азаровские. Обрати внимание на птиц в первом вольере — это и есть голуби той породы, которых я завез в Одессу. Родился я в селе Верхнее Смородино в сорока верстах от Курска. Дом наш стоял над рекой Смородиной.

Я пошутил: вот тебе и название — "Опасный рейс Курск — Одесса".

— Что, там смородину выращивают?

— Нет, на древнеславянском смород — запах. Река течет по равнинной местности, в летние месяцы начинает цвести, вызывая стойкий запах. В детстве мы в реке купались, ловили рыбу. К сожалению, ее больше нет. Славилось мое село тем, что оно хоть и образовалось в семнадцатом столетии, не имело крепостных крестьян. Вольный люд там жил и служивые. Может, для России и нетипично, но село наше было богатым, а дед мой зажиточным.

— И что же, его избежала судьба раскулаченного и сосланного в Сибирь?

Иван грустно вздохнул.

— Не будем вспоминать об этом.

Я тогда не жил, да только мой дед был авторитетным человеком в районе, хоть и голубятником. Когда немцы пришли в село, приказали всех голубей ликвидировать. Михаил Феоктистович под страхом смерти не уничтожил птицу и додержал ее до конца войны.

— Как ему это удалось?

— На речке по пологому берегу образовывались вымоины, поросшие камышом и кустарником. Болот в наших местах нет, а вот трясины по руслу реки случаются, иногда в них попадал крупный скот и даже люди. Эти гиблые места все обходили стороной, детей пугали ними и говорили, что там водяной живет. Дед мой знал тропинку и труднодоступную пещерку, соорудил клетки и спрятал там лучших своих голубей. Ночью тайно пробирался к ним, чтобы оставить корм. Староста, тоже страстный охотник, приметил как-то деда и стал следить за ним. Хотелось разузнать, к кому это по ночам на свидание пробирается старик. Старосте об этом не рассказал и устроил на заветной тропинке засаду. В лунную ночь Михаил Феоктистович понес корм голубям. Он приоткрыл полог пещерки, предусмотрительно прикрытый камышом, и услышал команду: "Стой, стрелять буду!". Дед оторопел, выронил ведро с зерном и упал на колени.

— Давай, дед Мишка, показывай, кому еду принес.

Деваться было некуда, дед приоткрыл полог и показал голубей.

— Эх, Михаил Феоктистович, старый ты, а не понимаешь, что этим себя под расстрел подвел. Приказ новых властей каков был?

— Господин староста, власти-то у нас часто меняются, а голуби-то одни.

— Команда была голубей уничтожить — и basta. А ты что делаешь? Да и конспирации тебя никто, видимо, не учил. Голубей спрятали надежно, даже я не нашел, но вот идти в лунную ночь по открытой местности не стоит. Все как на ладони. Видишь, сухое дерево стоит, — это ориентир: там по кустам тропинка проходит, и не так заметно. Много голубей сохранил?

— Десятка два.

— Даст Бог, закончится война, половину конфискую. А теперь иди, да помалкивай, что сегодня меня встретил. Себя погубишь, и мне несдобровать. Слышал, в Нижнем Смородино Гришку Пописа немцы за то, что голубей в церкви прятал, расстреляли, а попу приход закрыли?

— Да, слышал, слышал. А куда же вы, господин староста, своих летунов подевали?

— Что ты, как попугай, старый пень, заладил: "Господин староста, господин староста", — или забыл, как меня зовут? Аким, или Аким Пан-

телевич, я для вас так и остался. Комендант гарнизона капитан Гриопе большой "любитель голубей", самолучно приказал приготовить ему плов из моих турманов. Чтобы у него брюхо лопнуло!

Староста вытащил из бокового кармана свои часы-луковицу, взглянул на старика.

— Заболтались мы с тобой. Иди, дед, да держи язык за зубами, иначе нам головы свои не сносить до конца войны.

Михаил уже собрался уйти, его снова остановил староста.

— Феоктистович, зерно-то оставь голубям.

Дед спохватился: — Совсем забыл, старый дурак, чего пришел.

Трудное военное время прошло, и снова в трехъярусном срубе поселились голуби, принесенные Детушевым с реки. Они за время войны потеряли лоск, как и люди, но скоро пришли в себя и дали новое потомство.

Было летнее майское утро. Детушев собрал голубей, свободных от семейных обязанностей и молодых, взмахнул шестом, и птицы с хлопанием устремились в лазурное небо. Душа голубятника радовалась и тоже рвалась в эту загадочную, как будто разукрашенную ультрамаринной высотой. Где-то невдалеке урчал движок легкового автомобиля, такой непривычный для послевоенного времени. Старая "Эмка" подкатила к дому, из нее вышел Аким, он был одет в серый костюм, при галстук.

— Что в такую то рань, Аким Пантелеевич, пожаловали к нам?

— Да и вы, Михал Феоктистович, тоже не спите.

— Я старый, мне не спится, жаль времени, решил поохотиться.

— Вот и я подъехал посмотреть на охоту, заодно и должок у вас взять, не возвращаете?

— Чего же возражать, договор есть договор. Никак я не пойму вас, Аким Пантелеевич, в двадцатые в продотряды разгуливали, при немцах старостой служили, судя по прикиду, автомобиль, и сейчас в начальстве ходите?

— Так, так, Михаил Феоктистович, ход мысли правильный, продолжай. Чего же не сдал до сих пор меня властям?

— Каким?

— Мог немецким, да и сегодня еще не поздно, советским. Припоминается мне, что в двадцатые, когда тебя проверяли на предмет излишков продуктов, я сидел вон на том пенечке, а под ним схорончик был, и пашенный запахивало, а на реке, где ты голубей хранил, коровенку прятал. Так я своих коллег отводил, как бы они не отобрали у тебя последнее добро и детей твоих по миру не пустили.

— Ты об этом знал?

— Такая моя профессия, дед, знать все.

Детушев зарделся, как девица, он не предполагал, кто его охраняет.

— Кто ты на самом деле, Аким, человек или демон?

— Успокойся, дед, человек, так надо.

— Кому?

— Будешь, дед, много знать, будешь плохо спать. Ты лучше скажи, почему не заложил до сих пор меня?

— Ты знаешь, Акимушка, это вы считаете, что земля круглая, а я думаю, что она имеет форму жопы, иногда поворачивается таким образом, что там твой нос оказывается, и ты нюхашь собственное дерьмо. Человек должен отвечать за необдуманные поступки, тем более, когда они несут горе ближнему. Не знаю я, что ты за человек, но беды ты мне не приносишь, а наоборот. Вот поэтому я в такой растерянности.

— Михаил Феоктистович, ты, я вижу, философ.

— Философию мы не проходили, а вот Сибирью ученый.

— Нет, дед, моей вины в том, что угоняли тебя власти в холодные края, и сам я чуть не загремел, да война началась. А она, брат, все спишет, не на кого нам надеяться. Хватит об этом. Каких голубей мне дашь?

— Вот сядут все — выбирай любых.

— Не жалко будет расставаться?

— Аким, не говори глупости, показывай, какие к сердцу припали.

— Все они у тебя, как на выставку. Вот этих курских белоголовых пару, я их запомнил еще в ту ночь на реке, и пару вон тех молодых сизаков.

— Ты же грозился половину конфисковать?

— Хватит, Михаил Феоктистович, я еще и сам не знаю, куда меня забросит служба государева. Таскаться с большим количеством птиц суетливо и накладно. Вот молодые краснорябые спускаются, как на параде.

— Этих давно присмотрел себе мой внук Иван, кормит, обхаживает.

— Так отдай парню.

— Отдать так не годится, мне в жизни подарком ничего не досталось. Приходилось трудиться. Пусть маленько потрет кирпич для голубей, чтобы жизнь медом не казалась. А в общем, мои годы стремительно идут под откос, ему все достанется. Больше в моем роду пристрастившихся охотников нет.

Рассказав эту историю, Иван Григорьевич заметно загрустил. Посмотрел на своих внуков, усердно строящих в песочнице замок. Два стреловолосых мальчика, похожих на близнецов, лет пяти, уловили взгляд деда.

— Дедушка, ты же обещал сегодня нас повезти на море.

Детушев взглянул на часы и сказал прямо:

— Они правы, нам пора собираться, ведь обещал, надо выполнять.

— Вот только последний вопрос, Иван Григорьевич: у кого среди этих чудных малышей есть тяга к голубям?

— Наверное, у меньшего Ивана, иначе все это не имело бы смысла, — он обвел рукой постройку ухоженного маетка. — Надо быть поближе к природе, она обязательно отблагодарит, подскажет смысл жизни, избавит от недуг и принесет душевный покой. Я своей жизни не представляю без этого великолепия.

"Надо же, так мало необходимо человеку, — подумал я, — для счастья и любви. Прав Омар Хайям: "Не вынашивай в сердце безумных желаний". Где-то живет эта страсть к птице и может проявиться через несколько поколений, во внуках или правнуках".

Глаза Ивана светились, он любовно усадил малышей в просторный джип и укатил в сторону моря. Ветер подул сильнее, облака сбились в кучу, небо потемнело.

Уходил воскресный день, хорошая погода и счастливый собеседник. Мне оставалось только записать эту историю и поделиться этим простым искренним человеческим счастьем.